

ослаблять все время государственную власть, как в смысле представления наиболее широкой свободы и самостоятельности местной жизни, так и в смысле ограничения атрибутов государства, т. е. обязанностей, которые оно принимает на себя. Так, поясняя нашу мысль действительным примером, некоторые социалисты видят шаг вперёд на пути к социализму в том, что государство овладевает железными дорогами или банками, и поэтому вносят требование государственной монополии на железные дороги и банки в свою программу. Анархисты же видят в этом шаг к вредному усилению власти Государства. Даже в социалистическом обществе, говорим мы, сосредоточение такой важной отрасли народного хозяйства в руках государства, было бы опасностью для свободы всех. Но тем более опасно такое усиление власти в современном буржуазном государстве, так как оно дает лишнее могучее оружие в руки буржуазии против рабочих, поэтому анархисты предпочитают, чтобы железные дороги, будучи отняты у теперешних капиталистов, перешли в пользование групп самих железнодорожных рабочих (подобно тому, как земля, находится в пользовании у сельских общин) и чтобы отношения таких рабочих групп ко всем другим группам вырабатывались непосредственно, без вмешательства Государственной власти, путём взаимного договора. Анархисты-рабочие убеждены, что подобные отношения, которые выработались бы в революционный период из непосредственных договорных сношений между группами рабочих и общинами, были бы, во всяком случае, предпочтительнее тому, что могло бы выработать Государство, или какой бы то ни было национальный парламент.

Точно так же в области отношений между различными частями одной страны и разными нациями, анархисты не только признают, что всякая отдельная народность в теперешних государствах должна была бы иметь полное право устроить свою внутреннюю жизнь, хозяйственную и политическую, как она сама найдёт это нужным, но они думают также, что такими же обширными правами автономии и свободы должны пользоваться каждый город и каждая сельская община. Единение же между всеми городами, общинами и областями данной страны должно обуславливаться не общей одинаковой подчинённостью их центральному правительству,

а добровольным объединением путём договора. Анархисты убеждены, что если объединение на договорном начале и будет местами причиной местных и временных раздоров, то никогда эти раздоры не дадут тех потоков крови, которые были уже пролиты и еще будут проливаться ради поддержания государственного сосредоточения власти и насильственного объединения различных областей под одною центральной властью.

Таким образом, в противоположность социал-демократическим партиям, которые стремятся к созданию государства, в котором вся власть была бы централизована в руках правительства и где все главные отрасли производства находились бы в ведении этой всеильной центральной власти, - анархисты стремятся к такому строю, где все главные отрасли производства находились бы в руках самих рабочих, объединенных в вольные производственные союзы, и в руках самих общин, организуемых в своей среде пользование общественными богатствами так, как они сами найдут это нужным. Необходимость взаимных уступок гораздо лучше поможет выработать установление правильных взаимных отношений, чем какая бы то ни была государственная власть. При этом анархисты убеждены, что ни социалистам государственным, ни даже анархистам, не удастся установить желаемый ими социалистический или коммунистический строй в один приём, одною революцией. Анархисты убеждены, что для перехода от капитализма к коммунизму потребуется не один переворот, а несколько. А потому они считают, что обязанность человека, понимающего задачи современного человечества, уже теперь состоят в том, чтобы отнюдь не давать свои силы на поддержку и усиление ига как капитала, так и государства, а напротив того, всеми силами содействовать ослаблению того и другого.

Подобно тому, как ни одному искреннему социалисту не придёт в голову, что лучшее средство для освобождения человечества от ига капитала - это стать эксплуататором человеческого труда, а потом обратиться в благотворителя вроде Карнеги или Нобеля, - так точно для всякого искреннего социалиста должно бы быть ясным, что его обязанность - не вступать в ту государственную машину, которая была выработана в интересах капиталистов и фео-

далов, а вместе с народом стремиться к выработке тех новых форм политического объединения, которые в социалистическом обществе смогут заменить ныне существующие политические формы, выработанные с целью помешать освобождению трудящихся классов. Нам по крайней мере совершенно ясно, что всякое усиление государственной власти в современном буржуазном обществе становится лишь новой помехой на пути освобождения человечества из-под ига Капитала. Вступление рабочих в государственное управление только даст прилив новых сил этой отживающей форме эксплуатации.

Сведем вкратце все сказанное: Конечная же цель анархистов состоит в том, чтобы выработать жизненным опытом такой общественный строй, в котором нет никакой верховной государственной власти, а страна представляет собою вольные союзы вольных общин и вольных производственных групп или артелей, возникающие на основах взаимного договора, и разрешающие возможные споры между собою не путем насилия и оружия, а путем третьей-стороны суда.

Как те, так и другие знают, что достигнуть социалистического или коммунистического строя невозможно сразу, без нескольких последовательных переворотов, которые они и стараются подготовить сначала в умах, а потом и в жизни на деле. В этот подготовительный период социалисты-государственники стремятся, однако, прежде всего к захвату власти и ради этого добиваются возможности заседать в парламентах, чтобы со временем составить своё правительство.

Анархисты же считают всякое такое усиление государственности вредным, мешающим противокapиталистической революции, мешающим ясному пониманию рабочими всего вреда капиталистического строя и поддерживающим те самые предрасудки, которыми держится теперь капиталистический строй. Поэтому они отказываются от всякого участия в государственной власти, точно так же, как они отказываются и от участия в капиталистической эксплуатации, от участия в войне за интересы буржуазии, и от участия в использовании религиозных верований. Они стремятся вызвать самостоятельность всего народа - сельского и городского, -

а также каждой отдельной группы и личности для выработки новой формы вольного договора между производительными союзами и потребительными обществами, т. е. тех новых форм политической жизни, которых потребует новый строй жизни хозяйственной.

Слово „Анархия“ (по-гречески - безвластие, безначалие) с издавна употреблялось защитниками „порядка“ и собственности для обозначения такого состояния общества, когда народ свергал иго установленных властей и начинал, выражаясь их языком, „потрясать священные основы власти и собственности“... На языке имущих и владеющих классов такое состояние было состоянием хаоса, неурядицы, беспорядка, но история говорит нам другое, а именно, что такие периоды были именно периодами революций, переворотов, когда ломались прогнившие основы старого общества и закладывались основы нового порядка, нового строя, в котором освобожденным рабам жилось впоследствии несколько лучше, чем прежде.

В том же смысле порицания и ненависти употреблялось слово „анархисты“ во время Великой Французской Революции. Когда в 1792 г. в Париже взяла верх революционная коммуна, выбранная всем парижским народом для низвержения короля и для совершения народной революции, и по всей Франции взяли верх революционеры из народа, и когда эти революционеры стали требовать от своего парламента (Конвента) уничтожения крепостных прав без выкупа, налога на богатых, ограничения права владения землей и т. д., тогда имущие классы и их защитники в Конвенте, называвшиеся тогда Жирондистами, стали называть революционеров, выставивших эти требования - „анархистами“, врагами порядка, смутьянами, цель которых - хаос и неурядица. И они стали требовать немедленного ареста и казни всех этих анархистов, не желавших признать права собственности и установленного правительства.

Нужно сказать, однако, что во время французской революции кличка „анархисты“ прилагалась безразлично ко всем тем, кто стремился уничтожить старый порядок и старые феодальные отношения революционным путем. Не только к тем немногим

революционерам, которые действительно отрицали необходимость сильной государственной власти, и не признавали частной собственности, но и к тем, которые, подобно Робеспьеру и Сен-Жюсту, были сторонниками могучей централизованной власти, но хотели помочь народу совершить революцию против богатых. Всех, стоявших тогда на стороне народа и действительно совершавших ломку старого общества революционным путём и требовавших равенства, как основу свободы, называли тогда „анархистами“, чтобы представить их врагами всякого порядка и всякого мирного развития общества.

Так складывалось в девятнадцатом веке понятие „анархиста“ и только в середине столетия, в сороковых годах, Прудон дерзко поднял эту кличку и выставил учение об анархии - учение о безвластии - как освободительное, революционное учение, имеющее великое будущее. В том же положительном и революционном смысле название „анархисты“ было принято и в Международном Союзе Рабочих (Интернационале) и тогда же были разработаны основы и принципы безгосударственного вольного коммунизма.

Со словом „анархия“ произошло, таким образом, то, что происходит очень часто с кличками партий. Кличку дают враги. „Нищие“, „голоштанники“ или „санкюлоты“ были сперва кличками, имевшими целью унижить эту партию в глазах общества. А потом кличка становилась именем, которое с гордостью удерживала за собою партия. Так же произошло и со словом „анархия“. Люди порядка употребляли его с целью вызвать неприязнь против народных революционеров. В этом отрицательном смысле употребляли его в 1793 г., а также и первые историки французской революции, писавшие об истории революции с буржуазной точки зрения. Но когда роль, сыгранная этими революционерами, стала выясняться и сделалось очевидным, что уничтожение даже такого зла, как крепостные обязательства, продолжало бы существовать и после революции, если бы те, кого тогда называли „анархистами“, не совершили по всей Франции насильственного уничтожения этих прав, и не заставили бы Конвент узаконить это уничтожение, тогда слово „анархист“ стали употреблять уже в другом смысле...

[На этих словах рукопись прерывается]

Анархия - это учение, которое стремится к полному освобождению человека от ига Капитала и Государства. Освобождение от ига Капитала есть основная цель социализма, а потому уже из этого определения видно, что анархизм есть одно из социалистических учений. Он и развился, действительно, в начале семидесятых годов среди социалистического рабочего движения в швейцарских, испанских и итальянских федерациях Международного Союза Рабочих.

Развился он из той мысли, что если бы для освобождения рабочих от ига Капитала, им пришлось обратиться в наёмников Государства, ставшего обладателем всех накопленных в современном обществе средств производства, то при таком общественном строе работникам грозила бы опасность стать рабами Государства и утратить даже ту небольшую личную свободу, которую они отвоевали себе в некоторых странах. Развивая эти мысли и приглядываясь к действительной жизни, анархисты пришли к заключению, что им следует отнестись отрицательно не только к мысли о государственном капитализме, проповедуемой многими социалистами, но и к той мысли, что социалисты должны сперва завоевать власть в современном буржуазном государстве, с тем, чтобы впоследствии преобразовать права собственности в этом государстве. Напротив того, рабочие организации, державшиеся анархических воззрений, пришли за эти тридцать с лишним лет к убеждению, что людям, стремящимся к освобождению от ига Капитала, не только не следует стремиться к захвату Власти в теперешнем Государстве, но что освобождение от ига Капитала возможно будет только при одновременном освобождении от ига Государства, что самые формы государственности были выработаны, чтобы помешать этому движению; и что освободительное движение только тогда будет достигать своей цели, когда оно будет